

Образ России в предвыборных стратегиях американских политиков

Виталий Евгеньевич Болдырев,

кандидат исторических наук, научный сотрудник
Центра глобальных и региональных исследований
Института истории, археологии и этнографии на-
родов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток.
E-mail: boldyrev89@list.ru

Статья посвящена рассмотрению специфики образа России, который формировался органами федеральной власти США во второй половине 2010-х гг. в соответствии с политическими и партийными целями. Выявлено, что переломным стал период 2014—2016 гг., когда отношения России с западными странами ухудшились, а контакты с КНР интенсифицировались. Демократическая партия США, потерпев поражение на выборах, попыталась оправдать его вмешательством РФ в процесс голосования. Данные факты были использованы представителями обеих ведущих политических партий для формирования выгодного в контексте подготовки к выборам 2020 г. образа России. Акцентируя внимание на идее российской угрозы, президент Д. Трамп содействовал удовлетворению интересов военных. В свою очередь, конгрессмены и сенаторы от Республиканской партии использовали эту идею, чтобы представить Д. Трампа истинным борцом за свободу и права человека, а демократической оппозиции придать более негативный имидж. Если республиканцы не придавали используемому образу России конкретное географическое измерение, то демократы чётко связывали его с трансатлантическими отношениями, акцентируя внимание на проблеме Крыма. Это было сделано для того, чтобы сохранить поддержку партии со стороны проукраинского лобби, а также предотвратить перехват инициатив в области защиты демократии и прав человека республиканскими оппонентами. Сделан вывод, что в целом специфика использования образа России свидетельствует о том, что линия Демократической партии по-прежнему определяется реакцией на события 2014—2016 гг., в то время как республиканцы упоминают Россию в рамках продуманной политической стратегии.

Ключевые слова: США, образ России, Д. Трамп, конгресс, внешняя политика, выборы.

The Image of Russia in Electoral Strategies of American Politicians.

Vitalii Boldyrev, Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia. E-mail: boldyrev89@list.ru.

The paper is devoted to the image of Russia which was created by the U.S. federal government in the second half of 2010s according to political and party goals. It was revealed that the period between 2014 and 2016 was crucial because the relations between Russia and Western countries deteriorated, but contacts between Moscow and Beijing intensified. The Democratic party of the United States lost the election and tried to justify the defeat by Russian interference. During preparation for the 2020 election both leading political parties used these facts to form the favourable image of Russia. Emphasizing the image of Russian military threat, Donald Trump satisfied interests of the military. In their turn, Republican congressmen and senators used the image of Russia to represent D. Trump as a real fighter for freedom and human rights and to create a negative image of the Democratic opposition. While the Republicans didn't geographically focus on the image of Russia, the Democrats related it directly to the transatlantic relationship with a particular focus on the issue of Crimea. That was done in order to keep the Ukraine lobby support and to prevent recapturing of the democratic and human rights initiatives by Republican opponents. It is concluded that the specific character of the image of Russia testifies that the Democratic party line is still determined by the events in 2014—2016 while the Republicans mention Russia in terms of the considered political strategy.

Keywords: United States, the image of Russia, Donald Trump, the Congress, foreign policy, election.

Вследствие исторических предпосылок образ России в США традиционно имеет евро-атлантическое измерение. Азиатско-тихоокеанское измерение было эпизодическим. Во втором случае образ СССР как врага использовался лишь время от времени и связывался исключительно с тактическими нюансами внешнеполитической стратегии [12, p. 183]. Также федеральная власть США упоминала о присутствии России на Тихом океане, комментируя крупные международные форумы, проходившие на Дальнем Востоке. В последний раз — в 2012 г., когда Владивосток принимал форум АТЭС [1].

Ситуация стала меняться с 2014 г. Во-первых, к этому времени представители всех ветвей власти и обеих политических партий негативно оценивали политику Кремля в области прав человека, о чём свидетельствовало принятие «Акта Магнитского». Во-вторых, аналогичный консенсус связан и с негативным восприятием России в контексте её воссоединения с Крымом и характера её вовлечённости в кризис на Юго-Востоке Украины. В-третьих, в условиях резкого ухудшения отношений с Западом, контакты Москвы и Пекина, одного из наиболее влиятельных мировых акторов, интенсифицировались. В-четвёртых, Демократическая партия,

потерпев поражение на выборах 2016 г., предприняла попытку оправдать его вмешательством нашей страны в избирательный процесс.

В данных условиях образ России стал неотъемлемой частью политического языка в Вашингтоне. Одновременно сформировались предпосылки для усложнения этого образа, усиления его азиатско-тихоокеанского измерения ввиду более активного сотрудничества Москвы и Пекина.

Наметившейся трансформации во многом способствуют не только изменения в мире, но и стремление Республиканской и Демократической партий использовать свои образы России в политической борьбе, предполагающей в контексте предстоящих в 2020 г. выборов формирование электората из групп интересов. То есть цель эксплуатации нужных элементов образа состоит в том, чтобы зафиксировать максимально благоприятную структуру электората, которая сохранит все свои традиционные элементы, а также — по необходимости — дополнится за счёт представителей нетрадиционных и колеблющихся социальных сил.

Тихоокеанское измерение образа России усилилось после интенсификации её взаимодействий с Китаем, азиатско-тихоокеанской державой в американском понимании. В течение 2013—2016 гг. наибольшую активность в формировании его образа среди представителей федеральных органов власти проявляли военные. Их главной целью было внедрить в сознание политической элиты мысль о том, что КНР ввиду роста своей мощи является угрозой для Соединённых Штатов [9]. В том или ином виде эту позицию военного ведомства его представители и сторонники озвучивали на 8 из 12 слушаний в Конгрессе США, состоявшихся в течение второго президентского срока Б. Обамы. Расчёт заключался в том, что через убеждение можно сформировать необходимый образ КНР. При положительном для них исходе выборов 2016 г. военные полагали, что новый президент согласится с их видением Китая.

Ещё до вступления в президентскую гонку, в 2015 г., Д. Трамп опубликовал книгу, в которой изложил свой взгляд на положение в Соединённых Штатах и в мире. В ней содержится важное в этом контексте уточнение. Согласно его точке зрения, не только КНР, но и РФ представляет ключевой долгосрочный вызов для США [15, р. 45]. Впоследствии и Китай, и Россия в стратегии национальной безопасности Соединённых Штатов были обозначены ревизионистскими державами, подрывающими мировой порядок, выгодный США [11]. Таким образом, в нарративе республиканцев произошло сращение образов двух угроз в единый комплекс, который имеет как глобальное, так и региональное, азиатско-тихоокеанское, измерение.

В контексте предвыборной конъюнктуры дальнейшая эксплуатация образа России как ревизионистского государства, тесно сотрудничающего с КНР — ключевой, с точки зрения Д. Трампа, угрозой, — была выгодна для действующего президента и Республиканской партии по ряду причин.

Во-первых, военно-промышленный комплекс, рассматривающий КНР в качестве угрозы с 2011 г., — традиционная предвыборная опора респуб-

ликанцев. Развивать образ «китайской угрозы» с использованием дополнительных элементов выгодно, поскольку это позволяет добиться роста оборонных ассигнований, а значит — поддержки традиционного электората со стороны президента и партии.

Во-вторых, использование образа «российской угрозы» в данном контексте обеспечивает ряд преимуществ. С одной стороны, после воссоединения Крыма с Россией и кризиса на Юго-Востоке Украины в США наблюдается устойчивый общественный консенсус по восприятию РФ как угрозы. С другой — демократы, выступающие против роста военных расходов при иной аргументации, придерживаются мнения, что Россия угрожает Соединённым Штатам.

Таким образом, в контексте жёсткой межпартийной борьбы образ «российской угрозы» для Д. Трампа оставался наиболее верным средством, чтобы обеспечить рост военных расходов, продемонстрировать своему электорату поддержку не на словах, а на деле. При этом для достижения практического результата на уровне сознания произошла намеренная трансформация образов восприятия «угроз»: комплекс угроз, исходящих от двух ревизионистских государств, был заменён на образ, наиболее выгодный с позиций конъюнктуры.

Это подтверждается тем, как в 2019 г. члены Палаты представителей от Республиканской партии использовали образ России. Во-первых, они поддерживали правительство в перехвате тезиса демократов о её вмешательстве в выборы. Выступая с инициативой, обращённой к политическим оппонентам, М. Гаец призвал работать в духе двухпартийности, чтобы быть уверенными в готовности не допустить влияния РФ на американские выборы [3, р. H3799—H3800].

Более решительной стала попытка П. Ольсона. Он, опираясь на положения доклада Р. Мюллера о российской атаке на компьютеры Национального комитета Демократической партии [14, р. 97], всю вину за вмешательство Москвы в выборы 2016 г. возложил на демократов [4, р. H4018—H4019].

Во-вторых, республиканские конгрессмены и сенаторы дважды позиционировали себя сторонниками защиты прав человека, используя создание негативного образа России. В первом случае они призывали российское правительство освободить П. Уилана, соблюсти его права, обращались к госсекретарю с просьбой о содействии прозрачному судебному процессу над задержанным, выражали поддержку его семье [6, р. H8362—H8363]. Во втором случае Кремль призывали обеспечить прозрачное расследование убийства Б. Немцова, также конгрессмены и сенаторы США обращались к американским властям, чтобы те провели в этом контексте расследование в отношении Р. Кадырова на предмет нарушения им персональных санкций, введённых США, и при наличии подтверждающих фактов использовали в его отношении положения «Акта Магнитского» [5, р. S3294—S3295].

В-третьих, конгрессмен Д. Ла-Мальфа после принятия по инициативе Демократической фракции резолюции, блокирующей возвращение

России в «Большую семёрку», выступил с речью «Поддержать Украину и противостоять русскому медведю», в которой подчеркнул, что в этом вопросе Д. Трамп пошёл дальше Б. Обамы: санкции в отношении РФ усилены, летальное оружие стало поставляться на Украину [13, р. Н9211].

В контексте межпартийной борьбы и предвыборной конъюнктуры эти шаги республиканских депутатов свидетельствовали о стремлении защитить доброе имя президента и партии, перехватить традиционную демократическую повестку в области прав человека, подкрепить её тезисами и взглядами, которые разделяют сторонники обеих партий. Также они использовали распространённые в американском сознании символические образы «российской угрозы», чтобы высветить свою позицию как сильную и преподнести усилия демократов как недостаточные. В целом такой подход республиканских членов Конгресса к использованию образа России продиктован целью сохранить поддержку традиционного электората и надеждой получить дополнительную поддержку на выборах 2020 г. за счёт групп общества, ориентирующихся на Демократическую партию. Наконец, в условиях использования образа «российской угрозы» (к настоящему моменту неотъемлемого элемента мировосприятия демократов) и призыва к двухпартийному сотрудничеству в противостоянии ей, им было трудно не поддержать проект бюджета США, предусматривавший рост военных ассигнований.

В свою очередь демократы использовали образ России в следующих контекстах: она дважды упоминалась ими при обсуждении воссоединения Крыма с Россией и кризиса на Украине [7, р. Н2660—Н2662; 8, р. Н9197—Н9198]. Они, вероятнее всего, были ориентированы, в первую очередь, на проукраинское лобби, а также преследовали цель использовать привычные для демократов образы «российской угрозы», разделяемые большинством американского населения.

Конгрессмен Р. Кришнамурти сделал акцент на том, чтобы сохранить вопрос о вмешательстве России в выборы и подрыве демократии в качестве прерогативы Демократической партии, не допустить его «перехват» республиканскими оппонентами. С этой целью он предложил законопроект, направленный на сдерживание разведывательной активности РФ, в том числе в киберпространстве, которая, по его мнению, заключалась не только во вмешательстве в выборы в США и союзных им странах, но и в угрозе демократическим институтам государств, входящих в НАТО [10, р. Н2664—Н2665].

Также представители Демократической партии использовали образ России для критики Д. Трампа. Так, в январе 2019 г. они раскритиковали намерения президента ослабить отдельные санкции в отношении РФ. По их мнению, в случае одобрения этой инициативы США продемонстрировали бы В.В. Путину, что он способен манипулировать Соединёнными Штатами и Д. Трампом [2, р. S235—S236].

Соответственно, образы России, которые использовали демократы, с их точки зрения, должны были позволить укрепить позиции среди традицион-

ного демократического электората, частично перехватить поддержку республиканского электората (с помощью образов, которые характерны для большинства общества), а также ослабить позиции оппонентов за счёт соединения негативного образа России и прямой критики Д. Трампа.

В целом характер межпартийной борьбы в конгрессе показывает, что обе партии использовали негативный образ РФ для «перехвата» повестки оппонента и присвоения её себе, для критики, в том числе персональной, в отношении другой партии и её представителей, для сохранения партийного приоритета в использовании отдельных тем в политической повестке.

Несмотря на то, что в контексте предстоящей предвыборной борьбы мотивы использования образа «российской угрозы» и республиканцами, и демократами одинаковы, особенности его употребления позволяют говорить о месте образа России в предвыборной стратегии и тактике обеих партий.

Его использование представителями Демократической партии продолжает носить реактивный характер. Со времени реакции демократического правительства на воссоединение Крыма с РФ механизм интерпретации российского образа не изменился: он остался зависимым от восприятия страны в момент после её действительных шагов на международной арене или приписываемых ей действий, которые относятся к периоду 2014–2016 гг.

Особенности образа России, на которых делают акцент демократы, свидетельствуют, что они твёрдо привержены идее использовать его атлантическое измерение и связанные с ним элементы. Это позволяет сделать вывод, что в ходе предвыборной кампании демократы намерены ориентироваться на поддержку правозащитных и иных либеральных групп, планируют скрепить сформировавшуюся в ходе выборов 2016 г. временную «антитрамповскую» коалицию своего электората.

В отличие от своих оппонентов Д. Трамп и Республиканская партия используют образ России в рамках продуманной предвыборной стратегии и тактики, чтобы максимально укрепить позиции во влиятельной среде военно-промышленного комплекса. Сведение «китайской» и «российской» угрозы в единый комплекс представлений с последующей конъюнктурной его заменой исключительно образом «российской угрозы» позволили добиться значительного роста оборонного бюджета, а значит — зафиксировать максимально благоприятную структуру партийного электората.

Ввиду того, что военное лобби изначально говорило о «китайской угрозе» как о тихоокеанской, присовокупление к ней «российской угрозы» свидетельствует, что среди республиканцев и их сторонников происходит деформация традиционного образа России. Если прежде он имел только евро-атлантическое измерение, то теперь приобрёл и азиатско-тихоокеанские, и китайские оттенки.

Иными словами, в числе прочих факторов внутривнутриполитическая и электоральная конъюнктура влияют на трансформацию образа России, используемого представителями американской федеральной власти.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ /
REFERENCES

1. Background Briefing: Senior State Department Officials En Route to Vladivostok, Russia. Sept. 7, 2012. URL: <http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2012/09/197481.htm> (дата обращения: 08.09.2012).
2. Congressional Record. Jan. 16, 2019. URL: <https://www.congress.gov/116/crec/2019/01/16/CREC-2019-01-16-pt1-PgS233-6.pdf> (дата обращения: 14.01.2020).
3. Congressional Record. May 15, 2019. URL: <https://www.congress.gov/116/crec/2019/05/15/CREC-2019-05-15-pt1-PgH3799-8.pdf> (дата обращения: 14.01.2020).
4. Congressional Record. May 21, 2019. URL: <https://www.congress.gov/116/crec/2019/05/21/CREC-2019-05-21-pt1-PgH4018-3.pdf> (дата обращения: 14.01.2020).
5. Congressional Record. June 10, 2019. URL: <https://www.congress.gov/116/crec/2019/06/10/CREC-2019-06-10-pt1-PgS3294-2.pdf> (дата обращения: 14.01.2020).
6. Congressional Record. Oct. 22, 2019. URL: <https://www.congress.gov/116/crec/2019/10/22/CREC-2019-10-22-pt1-PgH8362.pdf> (дата обращения: 14.01.2020).
7. Crimea Annexation Non-Recognition Act // Congressional Record. March 12, 2019. URL: <https://www.congress.gov/116/crec/2019/03/12/CREC-2019-03-12-pt1-PgH2660.pdf> (дата обращения: 14.01.2020).
8. Disapproving the Russian's Federation's Inclusion in Future Group of Seven Summits Until It Respects the Territorial Integrity of Its Neighbors and Adheres the Standards of Democratic Societies // Congressional Record. Dec. 3, 2019. URL: <https://www.congress.gov/116/crec/2019/12/03/CREC-2019-12-03-pt1-PgH9197.pdf> (дата обращения: 14.01.2020).
9. E-mail from Sullivan, Jacob J. <SullivanJJ@state.gov> to H[illary R. Clinton]. Subject: Sec[retary of] Def[ense Leon] Panetta calls India, China 'threats'. Sent: Thursday, Nov. 17, 2011, 6:29 PM. URL: https://foia.state.gov/search/results.aspx?collection=Clinton_Email_December_Release (дата обращения: 06.01.2017).
10. Keeping Russian Entrapments Minimal and Limiting Intelligence Network Act // Congressional Record. March 12, 2019. URL: <https://www.congress.gov/116/crec/2019/12/03/CREC-2019-12-03-pt1-PgH9211-5.pdf> (дата обращения: 14.01.2020).
11. National Security Strategy of the United States of America. Dec., 2017. URL: <http://nssarchive.us/wp-content/uploads/2017/12/2017.pdf> (дата обращения: 28.12.2017).
12. Shultz G.P. Turmoil and Triumph: My Years as Secretary of State. New York: Charles Scribner's Sons, 1993. 1193 p.
13. Support Ukraine and Counter the Russian Bear // Congressional Record. Dec. 3, 2019. URL: <https://www.congress.gov/116/crec/2019/03/12/CREC-2019-03-12-pt1-PgH2664.pdf> (дата обращения: 14.01.2020).
14. The Muller Report. New York: Scribner, 2019. 729 p.
15. Trump D.J. Crippled America. How to Make America Great Again. New York: Threshold Editions, 2015. 193 p.

Дата поступления в редакцию 11.06.2020